

Территориальные сообщества
в пространстве мегаполиса:
к вопросу о терминах

Евгения И. Громова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, gromova@workline.ru*

Александра О. Лазукина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, lexara@yandex.ru*

Валерия И. Терентьева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, terentieva1006@gmail.com*

Аннотация. Проводится анализ научных источников по теме значимости трансформации территориальных сообществ в пространстве мегаполиса. Показано, что существуют сложности системного характера при анализе ряда социальных явлений из-за отсутствия общепринятых формулировок таких понятий, как «территориальные сообщества», «пространство мегаполиса», и различий между понятиями «территория» и «пространство». Делается вывод о том, что обозначенные дефиниции должны соответствовать социальным процессам, которые происходят в современном обществе. Сегодня они приобретают особое значение как самостоятельные научные категории при оценке как отдельных событий, вызванных недальновидными решениями власти, так и нарастающих негативных социальных явлений в виде протестного поведения, которые являются их результатом.

Ключевые слова: территория, территориальные сообщества, пространство территорий, пространство мегаполиса

Для цитирования: Громова Е.И., Лазукина А.О., Терентьева В.И. Территориальные сообщества в пространстве мегаполиса: к вопросу о терминах // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 4. С. 102–111. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-4-102-111

Territorial communities in a space of a metropolis. On the question of terms

Evgenia I. Gromova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
gromova@workline.ru*

Alexandra O. Lazukina

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
lexara@yandex.ru*

Valeria I. Terentieva

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
terentieva1006@gmail.com*

Abstract. The article analyzes scientific literature on the topic of the significance of the transformation of territorial communities in the space of a metropolis. It is shown that there are systemic difficulties in the analysis of a number of social phenomena due to the lack of generally accepted formulations of such concepts as “territorial communities”, “megapolis space” and the differences between the concepts of “territory” and “space”.

It is concluded that the aforementioned definitions should be determined by the social processes that occur in modern society, since today they acquire special significance as independent scientific categories in assessing both individual events caused by short-sighted decisions of the authorities and growing negative social phenomena in the form of protest behaviors that result from them.

Keywords: territory, territorial communities, territory space, megapolis space, social phenomena, protest behavior

For citation: Gromova, E.I., Lazukina, A.O. and Terentieva, V.I. (2020), “Territorial communities in a space of a metropolis. On the question of terms”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 102–111, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-4-102-111

Статья является попыткой представить сущности, идеи и события, которые стоят за понятиями «территориальное сообщество» и «пространство мегаполиса» с их взаимозависимыми свойствами и отношениями, в соответствии с системой категорий, отделив каждое из них от близких по значению, но иных по смыслу понятий, которые стали часто употребляться в научной литературе вместо них или вместе с ними в одном понятийном поле (например,

в качестве синонимов). Такого рода подмена понятий происходит повсеместно в силу небрежного перевода с одного языка на другой или невнимательного отношения к историческому контексту возникновения самих понятий. По мнению Момджяна К.Х. [Момджян 2012, с. 39–48] и Василенко Н.Я. [Василенко 2015, с. 38–42], это порождает неразбериху в системном анализе ряда социальных явлений. Рассмотрим эти понятия последовательно и во взаимосвязи через социально-исторические и культурные контексты.

В рамках рассматриваемых понятий особое значение приобретают термины: «пространство» и «территория», поскольку они фактически стали сегодня самостоятельными научными категориями. Как правило, в современных научных контекстах понятие «пространство» используют, описывая явления и события в интенсивно меняющейся современной картине мира, а не как синоним понятия «территория» [Прохоренко 2010]. В современном научном дискурсе значение пространства городской территории – это совсем не то, что пространство сельской территории. Тем не менее и то и другое будет относиться к территориальному пространству, или пространству территории. Это понятие верхнего уровня, которое включает в себя целый ряд системообразующих пространств, среди которых можно выделить четыре ключевых.

Физическое пространство – это один из основных факторов влияния на экономическую деятельность, социальные аспекты жизни и политические установки. Однако не стоит ставить во главу угла чрезмерный географический детерминизм. Как отметил М. Китинг, физическое пространство может обуславливать социальное взаимодействие, успешность экономических моделей или силу политического влияния, но не определять их [Китинг 2003].

Социальное пространство неизбежно возникает там, где обитают люди, так как любой житель нашей планеты, где бы он ни проживал, обитает одновременно и в пространстве, и на территории. По мнению Н.А. Косолапова, «социальное пространство» – это та часть организационной «надстройки» над территорией, где пространственные формы и отношения утвердились и осуществляются на постоянной/повседневной основе, а не возникают время от времени [Косолапов 2005, с. 8]. Именно пространственные структуры социума обеспечивают выполнение тех или иных функций, которые необходимы для жизнедеятельности человека на конкретной территории [Косолапов 1994, с. 29].

Политическое пространство – это пространство политических смыслов, представляющих из себя рефлексивный синтез отношения всех жителей к территориальным институциям, которые представляют, отражают и выстаивают общие цели человеческой

деятельности в его рамках. Это пространство формирует сферу деятельности политического субъекта, проявляет связи между людьми и политическими институтами, инициирует системы самоуправления и создание территориальных сообществ. Как пишет М.В. Стрежнева, «в каждом реально существующем политическом пространстве где-то непременно содержится власть, которую оно ограничивает, формирует и локализует» [Стрежнева 2009, с. 38].

Экономическое пространство определяется существованием различных векторов социально-экономического развития на той или иной территории в определенных исторических условиях и неразрывно связано с эффективностью экономики при использовании тех или иных организационных моделей [Sorokin 1947].

Н.А. Косолапов пишет о том, что пространством может стать только та организованная территория, которая приспособлена для жизни и деятельности человека. Он делает вывод, что *«только в пространстве становится возможно формирование, долговременное поддержание, институциональное закрепление социальных отношений любого рода»* [Косолапов 1994, с. 7]. Более того, по его мнению, территория социума способна вмещать множество пространств. Таким образом, пространство – это организованная территория, приспособленная для деятельности человека и характеризующаяся определенным укладом жизни.

Итак, говоря о пространстве территории, мы имеем в виду символическую и институциональную конфигурацию социальной жизни людей на конкретной территории, которая обладает своими неповторимыми характеристиками и влиянием на формирование всех видов пространств жизнедеятельности человека. В данном случае речь идет не только об институциональном и коммуникативном подходах к анализу пространства территорий, но и о контекстуальном подходе, который предложил российский политолог Р.Ф. Туровский [Туровский 2007, с. 12–17]. В своих работах он говорил прежде всего о политическом контексте анализа пространства территорий. Однако мы считаем, что такой подход к анализу пространства территорий может быть применен в разных контекстах: в историческом, культурном, информационном или в контексте устойчивого развития.

Вслед за И.Л. Прохоренко, который пишет о том, что понятие «пространство» – это «весьма полезная абстракция при изучении изменений в политической жизни» тех или иных государств и регионов [Прохоренко 2010], мы считаем, что оно также чрезвычайно важно при изучении изменений в социально-политической жизни населенных пунктов. Анализ пространства мегаполиса как социально-территориальной (термин Н.А. Косолапова), или тер-

риториально-политической, или пространственно-политической, системы (термин Р.Ф. Туровского), а также его отдельных, присоединенных частей как его подсистемы или самостоятельной социально-территориальной системы позволяет нам исследовать функционирование и трансформацию организованного определенным образом социума в течение относительно короткого промежутка времени, где речь не может идти об эволюционном/естественном развитии городской среды.

Более развернуто о связи территории и пространства как двух разных категорий, влияющих друг на друга в социально-политическом контексте, говорит М. Китинг. Он «упрекает» социологов в недостаточном внимании к этим двум важнейшим категориям, формирующим среду обитания человека. Рассматривая пространство как социальную сущность, автор пишет о том, что оно возникает как основа устройства гражданского общества в результате социальных моделей взаимодействия: обмена и солидарности. Ключевым результирующим фактором этих процессов, по его мнению, является чувство идентичности жителей, которое усиливает прочность их территориальной «привязки»/принадлежности [Китинг 2003].

Территориальное сообщество в качестве объекта социологических исследований неоднократно рассматривалось в современной научной литературе. Однако мы столкнулись с тем, что такое понятие, как «территориальное сообщество», имеет разночтения у тех или иных авторов, то есть на настоящий момент нельзя считать, что его определение четко сформулировано. Этот вывод подтверждает и тот факт, что вокруг этой темы постоянно возникают новые дискуссии, которые носят терминологический характер.

Для того, чтобы соотнести категории «территория» и «пространство» с понятием «сообщество» в рамках дефиниции «территориальное сообщество», необходимо определиться с этим термином. На первый взгляд оно представляется простым. В этом и заключается основная проблема, так как многие исследователи воспринимают это понятие как не вызывающее существенных разногласий в трактовках. Но это не совсем так.

Интересным в данном контексте представляется сравнение таких понятий, как «сообщество» и «общество». Н.Я. Василенко [Василенко 2015, с. 38–42] отмечает, что, по устоявшемуся в социально-политической литературе мнению, у истоков понятий «сообщество» и «общество» стоял Ф. Теннис (1855–1936)¹, который

¹См.: *Tönnies F. Community and Society* / Transl. by C.P. Loomis. East Lansing: Michigan State University Press, 1957.

в 1887 г. определил две формы социальной структуры – “Gemeinschaft” и “Gesellschaft”². Понятие “Gesellschaft” было переведено на английский язык как “society”³, а затем на русский как «общество». Понятие “Gemeinschaft” по-английски звучит как “community”, а по-русски – «сообщество». По мнению Н.Я. Василенко, можно провести определенные параллели с идеями Ф. Тенниса в работах Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, М. Вебера и их последователей.

Соотнесем понятия «общность» и «община» с точки зрения их генезиса. Общность возникает спонтанно. В случае с территориальным сообществом – как стихийный результат взаимодействия жителей. Община возникает целенаправленно, как организация, и диктует своим членам условия, при которых они могут стать ее членами. Цели создания общин детерминируют правила совместной деятельности и могут включать в себя: совместное использование ресурсов, выстраивание добрососедских отношений, идеи, убеждения, веру и т. п. [Синицына 2014]. Общность характерна для сообществ, для общин характерен порядок и четкие правила, подчиненные какой-либо идее: политической, религиозной, экологической, экономической, хозяйственной и т. п. На английском языке слово «общность» звучит как *communality*, для слова «община» больше всего подходит термин *communa*. Отсюда коммунальное хозяйство, коммунальные услуги. Общность не подразумевает совместного ведения хозяйства, община предполагает именно это (совместное владение землей, совместное хозяйство). Когда мы говорим о понятии «община», то речь идет об особом укладе жизни, за которым стоят институциональные отношения. Таким образом, в общине может спонтанно проявляться общность интересов, но общность интересов совсем не обязательно влечет за собой общинный характер взаимоотношений на территории.

Если вернуться к осмыслению понятия «территориальное сообщество», то здесь может возникнуть обманчивое ощущение простоты определения. Например, это сообщество, которое спонтанно сформировалось из жителей конкретной территории. Но сразу же возникает целый ряд вопросов. Что собирает людей воедино? Как? Почему? Зачем? Попробуем ответить на эти вопросы.

Спонтанность возникновения территориальных сообществ вызвана объединяющими мотивами совместной социальной деятельности на одной территории. Такого рода мотивы основаны на общности интересов. Нельзя не отметить, что ключевая характери-

² Ibid. P. 464.

³ *Tönnies F. Gemeinschaft und Gesellschaft. Leipzig: Fues's Verlag, 1887. P. 294.*

стика территориального сообщества – «общность» – роднит его с обществом. Разница между ними состоит в отсутствии у территориального сообщества такого качества, как самодостаточность, а ведь именно эта характеристика является необходимым признаком общества. Это означает, по мнению Н.Я. Василенко, что обществом могут считаться только те социальные группы, которые могут совершенно самостоятельно, без внешней помощи, без участия других групп постоянно воссоздавать все необходимые условия своего существования [Василенко 2015].

30 лет назад можно было уверенно говорить о совершенно независимых, по крайней мере двух обществах: социалистическое и капиталистическое. В связи с этим К. Момджян говорит о том, что глобализация накладывает свой отпечаток на развитие обществ. Однако он считает, что общества сохраняются в современной истории до тех пор, пока социальные группы сохраняют потенциальную самодостаточность, т. е. теоретическую возможность выжить в условиях самоизоляции государств и/или отдельных территорий по принципу автаркии [Момджян 2012, с. 47]. По сути, пандемия 2020 г. – это в том числе социальный эксперимент планетарного масштаба относительно жизнеспособности автаркии, т. е. возможности существования отдельных обществ.

Следует отметить, что, когда говорят о целях как об истоках формирования территориальных сообществ, имеется в виду прежде всего наличие у членов сообщества (жителей территории) общего видения результата территориальной деятельности, который мотивирует к формированию внутри сообщества взаимодействия на основе самоуправления [Великая, Глосеева, Белова, Хохлов 2016]. На основе такого рода объединяющих мотивов и возникает общность интересов между людьми, живущими на одной территории, а уже на этой основе формируется сообщество. В современной научной литературе есть два основных подхода к рассмотрению территориальных сообществ как социологического термина. Во-первых, это ценностно детерминированные деятельность группы людей, наделенные целеполаганием и единым видением желаемого будущего. Во-вторых, это квазигруппы (в терминологии П. Сорокина) [Sorokin 1947, Буланова 2017]. Этой точки зрения придерживаются достаточно много специалистов, например С.А. Давыдов, Б.А. Исаев, А.Е. Сериков. Мы считаем, что нет оснований или предмета спора, поскольку речь идет о разных социальных группах, что становится очевидным при обращении к работам П. Сорокина [Sorokin 1947]. В качестве примера часто приводятся квазигруппы, которые состоят из врачей, учителей, предпринимателей и т. п. Можно возразить и сказать, что может быть территориальное сообщество

врачей. Однако это не совсем так, потому что это будет не сообщество, а профессиональное объединение, которое в значительной мере отличается от территориальных сообществ. Профессиональные объединения или другие группы подобного рода не возникают спонтанно и не могут включать в себя любого жителя территории. В свою очередь, в профессиональные объединения могут входить специалисты, которые не являются жителями территории, но работают в организациях, которые находятся на ней. Квазигруппы могут являться частью территориальных сообществ, ведь они осуществляют свою деятельность на конкретной территории и во благо ее жителей.

Таким образом, конкретизация объективных различий между самодостаточными и несамодостаточными общностями диктует необходимость их корректного теоретического терминологического разграничения в социальных науках, как и разграничения таких понятий, как «общность», «организация», «община». Важно, что территориальные сообщества существенно отличаются от вышеозначенных понятий. При этом очевидна их необходимость для развития социального пространства населенного пункта любого размера вплоть до мегаполиса. Именно они формируют его сущность во взаимодействии и взаимовлиянии с территорией через ценностную детерминированность. Только при наличии сформированных территориальных сообществ разные территории мегаполиса будут развиваться естественным и эволюционным путем, формируя адекватную среду для жизнедеятельности человека, не вызывая внутренних протестных настроений со стороны горожан. Таким образом, можно сказать, что территориальные сообщества в пространстве мегаполиса играют одну из системообразующих ролей для их развития.

Литература

- Буланова 2017 – Буланова М.Б. П. Сорокин: уроки революции как «социального бедствия человечества» // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2017. № 4. С. 50–56.
- Василенко 2015 – Василенко Н.Я. Территориальное сообщество как объект социального управления // Научная мысль Кавказа. 2015. № 2. С. 38–42.
- Великая, Голосеева, Белова, Хохлов 2016 – Великая Н.М., Голосеева А.А., Белова Н.И., Хохлов А.А. Местное самоуправление: качество власти и качество жизни в малых и средних городах России. М.: Ключ-С, 2016. 223 с.
- Китинг 2003 – Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе // Логос. 2003. № 6 (40). С. 67–116.

- Косолапов 2005 – *Косолапов Н.А.* Глобализация: территориально-пространственный аспект // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 6. С. 3–13.
- Косолапов 1994 – *Косолапов Н.А.* Политико-психологический анализ социально-территориальных систем: Основы теории и методологии (на примере России). М.: Аспект Пресс, 1994. 240 с.
- Момджян 2012 – *Момджян К.Х.* К вопросу о типологии социальных групп // Вопросы философии. 2012. № 1. С. 39–48.
- Прохоренко 2010 – *Прохоренко И.Л.* Территориальные сообщества в политическом пространстве современной Испании. М.: ИМЭМО РАН, 2010. 100 с.
- Синицына 2014 – *Синицына Е.В.* В поисках Утопии: эксперименты по созданию идейных сообществ в США [Электронный ресурс] // Лаборатория социальных инноваций. URL: <http://www.cloudwatcher.ru/analytics/6/view/74/> (дата обращения 22.06.2020).
- Стрежнева 2009 – *Стрежнева М.В.* Структурирование политического пространства в Европейском союзе (Многоуровневое управление) // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 12. С. 38–49.
- Туровский 2007 – *Туровский Р.Ф.* Центр и регионы: проблемы политических отношений. М.: ГУ-ВШЭ, 2007. 400 с.
- Sorokin 1947 – *Sorokin P.A.* Society, Culture, and Personality: Their Structure and Dynamics. New York: Harpers&Brothers, 1947. 742 p.

References

- Bulanova, M.B. (2017), “Sorokin: Lessons of the Revolution as a ‘Social Disaster of the Humanity’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 50–56.
- Vasilenko, N.J. (2015), “Territorial Community as an Object of Social Management”, *Nauchnaja mysl Kavkaza*, no. 2, pp. 38–42.
- Velikaja, N.M., Golosejeva, A.A., Belova, N.I. and Hohlov, A.A. (2016), *Mestnoe samoupravlenije: kachestvo vlasti i kachestvo jizni v malyh i srednih gorodah Rossii* [Local Governance. A Quality of Power and a Quality of Life in small and middle towns of Russia], Kluch-C, Moscow, Russia.
- Kitting, M. (2003), “New Regionalism in Western Europe”, *Logos*, vol. 40, no. 6, pp. 67–116.
- Kosolapov, N.A. (2005), “Globalisation as a Territorial and Space aspect”, *World Economy and International Relations*, no. 6, pp. 3–13.
- Kosolapov, N.A. (1994), *Politiko-psihologicheskij analiz socialno-territorialnih sistem: Osnovi teoriji i metodologii (na primere Rossiji)* [Politically-Psychological Analysis of Socially-Territorial Systems. The Basis of the Theory and Methodology (by the example of Russia)], Moscow, Russia.
- Momdjan, K.H. (2012), “On the Question of the Social Groups Typology of social groups”, *Voprosy Filosofii*, no. 1, pp. 39–48.

- Prokhorenko, I.L. (2010), *Territorialnije soobschestva v politicheskom prostranstve sovremennoj Ispaniji* [Territorial Communities in Political Space of Modern Spain], IMEMO RAN, Moscow, Russia.
- Sinitsina, E.B. (2014), "Looking for Utopiya: Experiments Creating the Idea's Communities in USA", *Laboratory of Social Innovations* [Online], available at: <http://www.cloudwatcher.ru/analytics/6/view/74/> (Accessed 22 June 2020).
- Strezhneva, M.V. (2009), "Structuring of Political Space in European Union (Multilevel Management)", *World Economy and International Relations*, no. 12, pp. 38–49.
- Turovskii, R.F. (2007), *Centr i regioni: problem politicheskikh otnoshenij* [Center and Regions. Issues of Political Relationships], Moscow, Russia.
- Sorokin, P.A. (1947), *"Society, Culture, and Personality: Their Structure and Dynamics"*, Harpers&Brothers, New York, USA.

Информация об авторах

Евгения И. Громова, соискатель, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; gromova@workline.ru,

Александра О. Лазукина, соискатель, Российский государственный гуманитарный университет, Москва Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; lexara@yandex.ru

Валерия И. Терентьева, соискатель, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; terentieva1006@gmail.com

Information about the authors

Evgenia I. Gromova, doctoral student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; gromova@workline.ru

Alexandra O. Lazukina, doctoral student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; lexara@yandex.ru

Valeria I. Terentieva, doctoral student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; terentieva1006@gmail.com